

Резкий лязг тупой стали разнесся по тренировочному двору Хайгардена. Рука Люка задрожала, когда он приготовился к следующему удару.

Он видел его, но у него не хватило сил, чтобы эффективно блокировать удар. Слабая попытка увернуться была легко пресечена ухмыляющейся фигурой Пармена Крейна, удар пришелся под ребра Люка, окончательно выбив воздух из его легких и бросив его на землю.

"Вставай, мальчик!" Услышал он крик сира Вортимера.

Оглядываясь назад, понятно, что это было глупо. Ему следовало продолжить изучение форм. Взять в руки клинок и размахивать им во дворе было глупым решением.

Особенно когда за этим наблюдали дочери сира Крейна.

Он не пытался привлечь их внимание. Это было бы действительно странно, не то чтобы ему это хоть в малейшей степени удалось, когда он размахивал мечом.

"Вставай на ноги!" - издевательски крикнул Пармен Крейн.

Люк снова попытался встать, но его бок пронзила острая боль.

"Что, крестьянин? Слишком занят, думая о моих сестрах, чтобы даже поднять свой меч? Может быть, когда ты научишься держать его ровно, они посмотрят на тебя с жалостью".

Он услышал тихие смешки людей вокруг себя.

"Хочешь стать рыцарем, да?" - спросил его парень.

Краска стыда, более жгучая, чем любая боевая рана, залила его лицо. "Я... я..." Его голос запнулся, а затем сорвался под тяжестью насмешек Пармена.

"Конечно, хочешь, разгребатель навоза. Рыцари в сверкающих доспехах, их рассказы о доблести... легко забыть, что у них красная кровь, как и у тебя". Он шагнул ближе, угрожающе вращая тренировочным мечом в руке. "Но некоторым свиньям не суждено летать, парень. Сквайр - это все, чем ты когда-либо можешь стать. С другой стороны, возможно, ты выиграешь несколько турниров, разбрасывая навоз на поле, чтобы лошадь твоего противника поскользнулась. Только так такой крестьянин, как ты, сможет победить настоящего рыцаря".

Слова застряли у него в горле. Слезы застилали ему глаза. Он ничего не мог сказать мальчику более высокого происхождения.

"Довольно, Пармен!" Голос сира Крейна прогремел по двору. "На сегодня с мальчиком покончено". Игорь, осмотри его... а потом отправь чистить Малберри! Я хочу, чтобы ее грива была мягче девичьих губ" Тон рыцаря был суров, но на его губах играла легкая усмешка.

Люк почувствовал, что его унизили еще больше. Он знал, что его ждет работа до тех пор, пока воспоминания об этом дне не сотрутся у всех из головы.

Чистить рыцарский меч, расчесывать коня и изучать основы фехтования. Это была работа пажа.

Но он знал, что ему следует забыть о мече по крайней мере на неделю.

Он опустил голову, не в силах встретиться ни с кем взглядом, когда Игорь потащил его прочь.

Он старался не плакать, смущенно опустив голову, и увидел, как к нему подошел конюх по имени Игорь. "Пошли, - хрипло сказал Игорь, кладя руку на плечо Люка. "Ребра - это еще не все, но немного отдыха и мази помогут".

Он позволил Игорю увести себя. Он перевяжет свои раны и будет выполнять свои обязанности с тем же усердием, что и всегда.

Пармен, конечно, был прав. Он никогда не стал бы рыцарем.

Ему повезло, что его взяли пажом, потому что его отец охранял покои лорда Тирелла и спас сира Квентина Тирелла во время Войны Девятигрошовых Королей за несколько лет до его рождения, до того, как сир Квентин стал рыцарем.

В деревне думали, что он станет рыцарем. Но это было далеко от истины.

Единственным путем к посвящению в рыцари для него были турниры. Участие в них стоило больших денег, до них было трудно добраться, а если ему это удастся, то победить будет трудно.

"Эх, и как только Келум вообще справится?" - с сожалением подумал он, пока Игорь смазывал ему ребра соком мать-и-мачехи.

Он не хотел иметь с мальчиком ничего общего. Но его мама настояла на своем на следующий день после Ночи упавшей звезды. Она искренне верила, что семеро благословили маленького мальчика.

Но потом он провел рядом с ним неделю, помогая отцу мальчика на ферме. Он был проклят с рождения. При каждом вдохе у него шла кровь, и он мучительно хрипел.

Он думал, что тот умрет. Тогда он пожалел его, помогал маме мальчика ухаживать за ним, пока она варила эль, готовила еду или выполняла какую-то другую работу по дому.

Недели складывались в месяцы, но мальчик цеплялся за жизнь, и, что удивительно, цеплялся за нее так же упрямо, как сорняк за булыжник мостовой.

Наблюдая, как он растет, страдая от проклятия, но все равно улыбаясь, он полюбил мальчика как родного брата.

"Это должно помочь", - сказал Игорь, когда, наконец, закончил накладывать мазь. Синяк все еще болел и казался фиолетовым. "Должно быть, у тебя стальные яйца. Вот так пялиться на дочерей сира Крейна. Когда он был всего в нескольких ярдах от тебя".

Люк поморщился, не столько от синяка, сколько от слов Игоря. "Я ни на кого не смотрел", - пробормотал он, снова испытывая знакомый укол стыда. "Просто... потерял равновесие".

Игорь фыркнул. "Стоя на ровной земле да? Ты размахивал мечом, привлекая внимание дам, точно петух на рассвете", - закончил Игорь, и его бородатое лицо озарила улыбка. "Не волнуйся, парень. Не могу винить тебя за то, что ты заглядываешь, куда не следует. Красота способна заставить мужчину совершать глупости. Но хватит разговоров, парень, начинай чистить лошадь сира Крейна. Твой отец заберет тебя с наступлением темноты".

Когда лысеющий желтозубый мужчина выходил из конюшни, он дал ему грубую щетку и табурет, чтобы сесть.

Проводя жесткой щеткой по гриве, он думал о своем младшем брате. Он никогда не станет рыцарем. Такова была реальность, какой бы суровой она ни была.

Мальчик был слишком чистым, наивным, всепрощающим. Даже после того, как жители деревни шепотом проклинали его, завидуя богатству отца, благословленному звездами, он никогда не таил злобы в своем сердце. Единственный раз, когда он видел мальчика по-настоящему рассерженным, это когда старый Крофтон насмеялся над его матерью.

Джеррен и дядя Харлон избили этого человека за это. Но гнев мальчика тогда был поистине впечатляющим.

Даже если бы ему удалось преодолеть проклятие звезды и обрести силу Люк в глубине души знал, что он никогда не смог бы стать настоящим рыцарем. Рыцарями рождаются, а не становятся.

Единственный способ стать рыцарем для таких низкороджденных, как они, состоял в том, чтобы какой-нибудь лорд сжалился над ним, как это сделал лорд Квентин, после того как его отец спас ему жизнь, или в том, чтобы выиграть турнир, победив лордов и рыцарей.

Легче сказать, чем сделать. Мужчины умирали на турнирах так же легко, как свиньи от весенней гнили.

Но убедить его свернуть с этого пути было все равно, что пытаться остановить течение Мандера к морю. Келум обладал железным упорством, подпитываемым сердцем, таким же ярким, как звезда, которая, по словам людей проклала его.

Расчесывая жесткую гриву Малберри, Люк не мог избавиться от воспоминаний. Они были такими же яркими, как фиолетовый синяк на его ребрах.

"Я не сдамся, Люк", - говорил Келум. Это был не слабый, сиплый голос болезненного ребенка, а голос, который он носил в своем сердце. Подбородок выпячен, поразительные голубые глаза горят. "Рыцари помогают людям. Я тоже буду помогать!"

Люк крепче сжал щетку. Если бы только желание могло что-то изменить. Келум, проклятый от рождения, цеплялся за жизнь с упрямством, бросавшим вызов самим богам. В какой-то момент его дух был сильнее, чем у любого рыцаря Хайгардена.

"Снова мечтаешь о высокородных девушках, парень?" Грубый голос Игоря вывел Люка из задумчивости. Он не мог встретиться взглядом с конюхом. Тот придиричиво рассматривал гриву лошади.

"Нет", - процедил он сквозь стиснутые зубы

Игорь фыркнул, словно старая кобыла прочищала горло. "Как скажешь. Она почти закончила. Заканчивай и иди, жди своего отца в септе".

Кивнув, он провел щеткой по блестящей гриве лошади и попрощался с лысеющим мужчиной.

Он попытался отогнать эти мысли и забыть о своем младшем брате, но у него просто не получилось.

Старый септон Маттеус старался, он учил его тому, чем нужно жертвовать, чтобы стать рыцарем, настолько по-доброму, насколько это было возможно для мальчика, которому всего

четыре года, но Келум ухватился за это с большей решимостью, чем когда-либо прежде. Очарованный и восхищенный идеей идеального рыцаря.

Этот человек не смог сделать большего. Отказался даже. Сказал, что такие чистые души не должны быть запятнаны так быстро.

Он никогда не мог отказать жадным ярко-голубым глазам. Люк и Мэри тоже не могли.

Иногда он задавался вопросом, почему дядя Харлон потакал его мечтам.

Этот человек был простым фермером, тихим человеком, который горячо любил свою семью. Он видел, как его братья умирали в погоне за мимолетной славой рыцарства, и понимал суровую реальность их низкого происхождения. И все же, иногда глаза Келума светились этой упрямой надеждой, Харлон так и не смог полностью погасить ее.

Он надеялся, что ему не придется делать это самому. Ему была невыносима эта мысль. Он дал мальчику обещание, которое не знал, как собирается сдержать.

Он, конечно, попытается, но позволит Келуму стать рыцарем только в том случае, если будет уверен, что у мальчика хватит сил выжить.

Он молился небесным богам, чтобы они даровали доброму мальчику еще одно чудо, он не увидел, как сокрушается его дух.

x ----- x ----- x ----- x ----- x ----- x ----- x ----- x ----- x ----- x ----- x

В гостинице "Мандер Хиллз Инн" кипела жизнь.

Зазвенели кружки, грубые голоса потребовали еще эля, а жирный запах тушеной баранины стал тяжелым и гнетущим.

Мозолистая рука обвилась вокруг талии Мередит. Она напряглась.

"Полегче, милашка", - протянул деревенский стражник, от него несло вонючей смесью вина и лука. "Просто люблюсь видом".

В глазах Мередит вспыхнуло негодование. Пьяные стражники были хуже всех.

В ее голосе зазвучали резкие нотки, когда она ответила: "Тогда подумай о том, чтобы полюбоваться, пока будешь убирать этот беспорядок". Она сунула ему в руку влажную тряпку. Он усмехнулся, из его груди вырвался низкий рокот.

"Дерзкая", - заметил он, с преувеличенной тщательностью вытирая пролитое. "Дочь трактирщика, похоже, сильно обиделась, да?" Он окинул ее взглядом, отметив поношенное платье и жирное пятно на щеке.

В его глазах промелькнул расчет.

Прежде чем перепалка успела обостриться, на плечо охранника опустилась тяжелая рука. "Хватит, Стеффон", - раздался грубый голос. "Нам все еще нужно поесть здесь, помнишь? Не хочу, чтобы эти двери были закрыты для нас из-за твоих шаловливых ручонок. Если хочешь, отправляйся в бордель в замке, здесь нет шлюх."

Стеффон бросил угрюмый взгляд на другого стражника, затем снова повернулся к Мередит.

"Она все равно недостаточно красива", - насмешливо сказал он и последовал за другим мужчиной на улицу.

Когда двое стражников отошли, Мередит почувствовала облегчение, смешанное с затаенным гневом.

Она схватила стопку грязных тарелок, которые были тяжелее, чем обычно.

Усталые гвардейцы обмякли на своих сиденьях, их глаза были тусклыми, как потускневшее серебро. Но даже в их усталости чувствовался намек на статус, на то, что они стоят выше торговцев и простого люда.

"Опять мечтаешь, птичка?" Грубый голос Джеррена прервал ее мысли. Он прислонился к обшарпанной стойке бара, его фигура была почти как у взрослого мужчины. На его перепачканном грязью лице застыло хмурое выражение. "Ты в порядке? Что случилось?"

Мередит нахмурилась в ответ. "Мечты лучше, чем свиньи в этом свинарнике!"

Руки Мередит дрожали, когда она сжимала тарелки. Слова "недостаточно красивая" эхом отдавались в ее ушах, жестоким уколом, более острым, чем любая ощупывающая рука.

Горячая волна унижения захлестнула ее, смешавшись с закипающей яростью. Ей хотелось закричать, швырнуть эти грязные тарелки в уходящих стражников, чтобы развеять их ложное чувство превосходства.

"Свинарник платит за твой хлеб, - ровным голосом возразил Джеррен. "Лучше запомни это, мечтательница. А теперь иди, маме нужна твоя помощь".

Она резко отвернулась и направилась на кухню.

Однажды за ней придет ее рыцарь. Отважный и галантный. Чтобы украсть ее и сделать знатной леди королевства, как в сказках, которые рассказывал ей отец перед смертью.

Он был убит стрелой во время рейда разбойников с большой дороги вдоль Мандера.

Мередит выбросила из головы воспоминания об отце, вместе с ним исчез и вызывающий образ ее рыцаря.

"Мама, я здесь", - сказала она.

Она сложила грязную посуду в таз, не обращая внимания на то, что ее поношенное платье зацепилось за отколотый край.

"О, Мэри, оставь посуду на полу. Я возьму", - предложила ее мать, неся кувшин с водой. Седеющая старуха заметила пустые бочонки из-под эля и сказала: "Пиво на исходе, а наплыв закончился. Джеррен!"

Ее брат появился из темноты зала, вытирая руки о свою грязную тунику. "Что еще, мам?" - проворчал он. "Я опаздываю на ферму!"

Ее мама выплеснула воду на пол, рядом с тем местом, где она оставила грязную посуду.

"Мередит пойдет с тобой", - сказала Марна, вытирая пот со лба. "Толпа почти рассосалась, я справлюсь с остальным". Эль заканчивается, и нам понадобится свежий запас. Мэри, скажи

дорогой Элине, чтобы она прислала эль завтра утром. И передай от меня привет Келуму, хорошо?"

Упоминание о посещении Келума значительно скрасило ее день. Она любила малыша, как будто больше не была самой младшей в семье. Ей хотелось собственного малыша, можно было обнимать и нянчиться с ним.

Пару минут спустя она присоединилась к Джеррену у входной двери.

"Тогда тебе лучше поторопиться, мечтательница", - сказал Джеррен, ожидая, пока она очистит его лицо и руки от грязи, которую он собрал, готовя рагу весь день

Пироги были ее фирменным блюдом, никто не мог испечь их лучше, чем она, за исключением ее мамы. Возможно, она испечет один для Келума, когда он придет утром со своим отцом с элем.

"Знаешь, ты так и не рассказала мне, что произошло, - заметил Джеррен, когда они шли через деревню мимо септы к ферме.

"Просто пьяный охранник ведет себя как грубиян", - пробормотала она, проходя мимо него. "Не волнуйся, я справлюсь".

Лицо Джеррена слегка исказилось, но потом он выдохнул и пнул камень, лежавший поперек дороги. "Не беспокойся о них. Дядя Томан сказал, что мы можем поговорить с ним, если что-то случится, разве он не знает какого-нибудь рыцаря в замке?"

Она сомневалась, что этот человек сможет чем-то помочь. Пьяницы делают то, что делают. Только рыцарь мог бы спасти ее. Она пыталась не дать себе снова погрузиться в свои мечты о рыцарях, чтобы брат снова не подловил ее.

Но судя по его взгляду, он все понял.

Мерedit пыталась сосредоточиться на знакомой тропинке, ведущей к ферме Харлона, но поддразнивания брата эхом отдавались при каждом ее шаге.

"Мечтаешь о рыцарях, да?" Он ухмыльнулся, подтолкнув ее локтем. "Лучше смотри на дорогу, мечтательница, чтобы не споткнуться и не угодить в коровью лепешку и не выглядеть неприглядно для рыцаря, который придет просить твоей руки". Джеррен усмехнулся.

Румянец залил щеки Мерedit. "Заткнись!" - процедила она сквозь стиснутые зубы, отказываясь признать, что да, в ее голове действительно промелькнул галантный рыцарь.

Когда в поле зрения появилась ферма, ее сердце забилося быстрее. Не от мыслей о грандиозных спасениях, а при виде Келума. Ее маленького комка солнечного света.

"Не следовало бы этого делать", - проворчал Джеррен, - "он слишком слаб..."

Ее терпение лопнуло. "Это не так!" - выпалила она в ответ. "Оставь его в покое, Джеррен! В нем больше силы, чем ты можешь себе представить!"

"Хорошо, хорошо". Джеррен поднял руки, сдаваясь. "Не хочу, чтобы ты отрывал мне голову только за то, что я говорю правду. Ты и твоя слабость к..."

Он резко оборвал себя, когда они вышли на поле, и Харлон встретил их, приподняв бровь. Лицо

Мерedit вспыхнуло, она не была уверена, услышал ли Харлон поддразнивания Джеррена.

"Мерedit!" Голос Келума прорвался сквозь напряжение, его улыбка была такой же яркой, как и всегда. "Смотри, отец научил меня, как распознавать сорняки!" Он поднял корзину в качестве доказательства, его худощавое тело напряглось от усилий.

"Да, он растет прекрасным сильным парнем!". Харлон улыбнулся. Румянца на лице Келума было достаточно, чтобы смыть с нее всю горечь прошедшего дня.

Волна неловкости захлестнула Мерedit, ведь этот пожилой мужчина был тем, кого она безмерно уважала.

"А... Элина здесь? Я хотела передать ей наилучшие пожелания от мамы и, ну, насчет эля..." Она слегка заикалась.

Лицо Харлона смягчилось. "Она в коттедже, готовит рагу", - ответил он с огоньком в глазах. "Я думаю, твоя мама гордилась бы тем, как оно пахнет".

"О, хорошо, у меня сообщение от мамы, я пойду к ней". Мерedit почувствовала, как вспыхнули ее щеки, но перспектива увидеть Элину была приятным отвлечением от затянувшегося напряжения. Затем она повернулась к Келуму: "А потом мы сможем немного поиграть до наступления темноты".

"Это было бы чудесно, Мерedit", - с улыбкой сказал Харлон. Затем он повернулся к Келуму. "Парень, ты заслужил передышку. Почему бы тебе не привести себя в порядок и не провести немного времени со своей подругой".

Лицо Келума озарилось, как летний рассвет. "Правда, отец? Можно?"

"А теперь беги". Харлон усмехнулся, взъерошивая волосы сына.

"Мерedit, дождись меня!" Келум схватил ее за руку, и это теплое прикосновение прогнало мучительный дискомфорт. "Я покажу тебе лучшее место, где можно нарвать полевых цветов!" Он бросился к коттеджу, оставив Мерedit задыхаться от его безграничной энергии.

"Не нагружай его слишком сильно, Харлон", - крикнул Джеррен, следуя за другими мужчинами на поле. "Не все из нас наделены такой силой". Его слова должны были звучать как поддразнивание, но Мерedit уловила нотку жалости за беззаботным тоном.

Оставшись одна, Мерedit улыбнулась вслед Келуму. Мгновение нормальной жизни среди неопределенности. "Конечно, я подожду, я буду с твоей мамой, как только доставлю мамин заказ" - крикнула она.

Она направилась к коттеджу, чувствуя, как аромат тушеного мяса щекочет ей ноздри. Войдя внутрь, она обнаружила, что Элина хлопочет у очага, ее щеки пылали от тепла. "Элина!" - воскликнула Мерedit. "Твое рагу пахнет потрясающе!"

"Мама передает тебе привет", - продолжила Мерedit, входя в тепло коттеджа. "И..." Она на мгновение заколебалась, не зная, как сформулировать заказ эля, чтобы это не прозвучало слишком требовательно. "Ну, бочки в гостинице почти опустели, и мама надеялась, что ты сможешь прислать свежую партию завтра утром".

Улыбка Элины была теплой и ободряющей. "Конечно, дорогая. Харлон и Келум первым делом

загрузят телегу. А теперь не стесняйся! Сядь, дай я принесу тебе чашку воды".

Мерedit присела на табурет у камина, уютная атмосфера которого приятно контрастировала с суматохой гостиницы. Пока Элина наливала воду, они болтали о деревенских сплетнях, погоде и предстоящем урожае. В присутствии Элины чувствовалась успокаивающая непринужденность и какой-то уют.

Через несколько минут Келум ворвался обратно в коттедж, его лицо было умыто, а волосы еще влажными. "Я готов!" - объявил он, подпрыгивая от едва сдерживаемого возбуждения.

"Замечательно!" Мерedit вскочила на ноги. "А теперь давай посмотрим... какие приключения ждут нас сегодня?"

"Рыцари!" - без колебаний заявил Келум. "Я буду храбрым рыцарем, а ты..." Он замолчал, и на его лице появилось задумчивое выражение.

У Мерedit вырвался тихий смешок. "Значит, я буду девушкой, ожидающей своего рыцаря?"

Келум обдумал это, сосредоточенно нахмутив маленькие брови. Наконец, на его лице расцвела улыбка. "Ты можешь быть храброй девушкой, похищенной злым драконом!" Его глаза заблестели от волнения, вызванного его собственной историей. "И я приду, чтобы спасти тебя!"

"О, хорошо", - усмехнулась Мерedit, не в силах противостоять его энтузиазму. "Но эта девушка не будет ждать где попало. Я думаю, наверно, на чердаке! Дракон найдет меня там".

С радостным воплем Келум выбежал из коттеджа, предоставив Мерedit следовать за ним в более неторопливом темпе. Каждый шаг в этот игровой мир словно избавлял ее от беспокойства и неудовлетворенности.

Когда она поднялась по лестнице на чердак, вдыхая аромат высушенной на солнце травы и легкий запах лошадей, словно успокаивающий бальзам, она наконец позволила себе поверить, хотя бы ненадолго, в храбрых рыцарей, свирепых драконов и сладкую радость спасения.

Она знала, что, повзрослев, ее маленький солнечный комочек станет самым очаровательным из рыцарей, если благословение семи продолжит исцелять его. Ей придется носить с собой большую палку, чтобы отбиваться от жадных благородных дам, которые будут соперничать за внимание ее младшего брата. Она не могла дождаться.

<http://tl.rulate.ru/book/105094/3773408>